

С. А. МАКСИМОВ (Ижевск)

УДМУРТСКИЕ НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ИНДЕЙКИ*

Судя по названиям индейки в удмуртском языке, в хозяйство удмуртов эта птица попала через посредство русских. В диалектах удмуртского языка для ее обозначения используются следующие лексемы: *ńemjč, kurka, šora, inđ'uk, piń'ta, kura*.

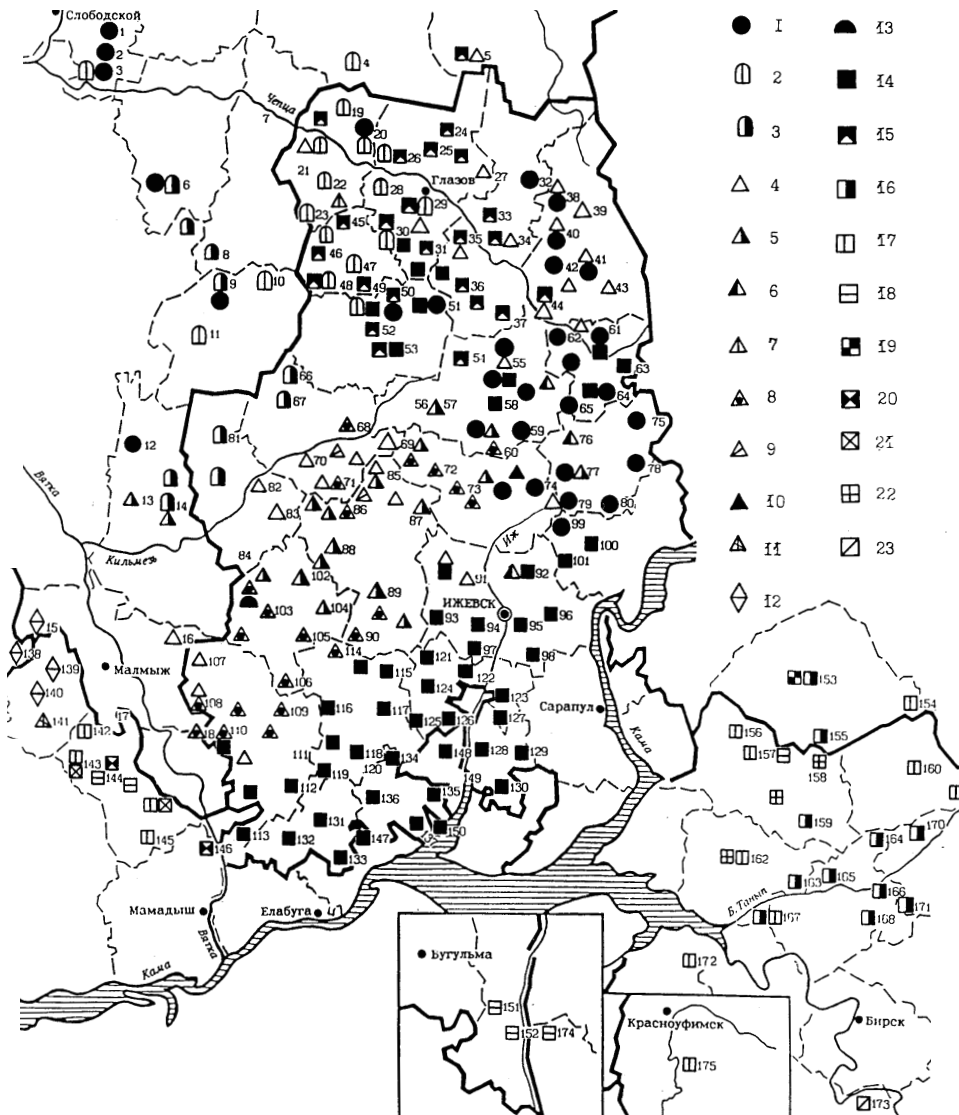
1. Слово *ńemjč* (*ńemjč, ńemžč, ńemžs, ńemiš, nemjč, nemič, nemjž, nemič, nomjč, temiž, ńemiš kureg*), самое раннее наименование индейки в удмуртском языке, в диалектах известно достаточно широко (см. карту).

Ареал указанной лексемы в пределах Удмуртии протянулся полосой с юго-запада на северо-восток. Вариант *ńemiš kureg* (*kureg* 'курица') встречается отдельным островком за Вяткой у шошминских удмуртов (на карте 15, 138—140). Вкрапления слова *ńemjč* в Ярском районе Удмуртии (21а, 22а), Кильмезском (13, 14) и Афанасьевском (5) районах Кировской области указывают на более широкое распространение его еще в недавнем прошлом. Особенно показательны данные липашурских удмуртов, проживающих ныне в пос. Лытка (5) (Афанасьевский р-н, Кировская обл.). Они переселились из северной части Глазовского района в начале 1930-х годов. В их речи наряду с *kurkan* сохранилось более раннее наименование индейки — *ńemjč*, в то время как в тех населенных пунктах, откуда они переселились, к настоящему времени оно вышло из употребления.

Ю. Вихманн (Wotjakischer Wortschatz 1987 : 176) зафиксировал сочетание *ńemiš-atas* 'индюк' у уфимских (буйско-таныпских) удмуртов, которые в настоящее время именуют индейку *kjrká*, а индюка — *ajj kjrká*.

Веляризация начального палатального согласного и изменение гласного *e > e* (*o*) в форме *ńemjč/nomjč*, по-видимому, связаны со сближением при произношении первого слога лексемы *ńemjč* с приставкой отрицательных местоимений (и самими местоимениями), которые по диалектам могут варьировать, ср. *ńe-mjč ~ ne-mjč ~ nemjč* 'ничего, ничто'. Последние словоформы встречаются в одном и том же населенном пункте, соответственно разные варианты слова *ńemjč* тоже употребляются иногда в одном и том же населенном пункте или соседствующих деревнях.

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования Российской Федерации.

1 — *ind'uk*, 2 — *šora*, 3 — *šoro*, 4 — *ñemič*, 5 — *nemič*, 6 — *nemič*, 7 — *ñemâs*,
 8 — *nemič*, 9 — *nomič*, 10 — *nemiž*, 11 — *ñemis*, 12 — *ñemis kureg*, 13 — *piñ'ta*,
 14 — *kurka*, 15 — *kurkan*, 16 — *kjrkä*, 17 — *kürkä*, 18 — *kürka*, 19 — *ķerka*,
 20 — *körka*, 21 — *körkä*, 22 — *ķerkä*, 23 — *kürke*.

Начальный согласный *m* в форме *nemiž* является результатом регрессивной ассимиляции по огубленности. Гласный *i* второго слога исследуемой леммы первичен, на что указывают и письменные памятники. Правда, в записи Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера (Тепляшина 1966) гласный второго слога передан буквой *e*, которая может отражать не только звук *e*, но и удмуртский гласный *i*, отсутствующий в немецком языке. Отметим, что безударный русский *e* в слове *немец* освоен как *ы* (*ä*) в марийском языке и *ë* — в чувашском, ср. мар. *немиччыве* 'индюк', чув. *нимёç* 'немец; немецкий' (МРС 206; ЧРС 247).

Таким образом, гласный *i* второго слога образован в результате звукоперехода $j > i$ перед палатальными согласными. Данное явление характерно в первую очередь для южного наречия, а в той или иной степени и для срединных говоров.

Звонкая палатальная аффриката ξ в конце вариантов *temiξ* и *nemiξ* (Борисов 1991 : 194) является результатом спорадического озвончения, возможной причиной которого могло быть преобладание в лексиконе удмуртского языка двусложных слов на звонкий ауслаут $-V\xi \sim$ диал. $-V\xi$ в сравнении с $-V\check{\xi}$.

Формы с фрикативным финалом *ñemiś* (*kureg*)), *ñemâś* образованы в результате процесса деаффрикатизации $\check{\xi}$ в ауслауте, а также в инлауте перед согласными. Это фонетическое явление характерно для южного и бесермянского наречий.

Композита *ñemiś kureg* букв. 'немецкая / иностранная курица', употребляемая в шошминском говоре периферийно-южного наречия, представляет собой наиболее ранний вариант наименования индейки в удмуртском языке. Сохранению его в шошминском говоре помимо архаичности самого говора, по-видимому, способствовал и марийский язык: ср. мар. *немьччыве* 'индюк', букв. 'немецкая курица'.

В словаре Т. Борисова (1991 : 200) фигурирует еще один вариант — *нэмызь куреґ* (*nemiž kureg*).

Письменные источники фиксируют описываемое слово со значениями 'немец; немецкий; иностранный', ср. напр. *nemytś* 'deutsch, ausländisch; Truthenne' (Wiedemann 1980 : 506).

Уже Ю. Вихманн и Б. Мункачи указывали на русский источник происхождения исследуемого слова (см. *Wotjakischer Wortschatz* 1987 : 176; *Wichmann* 1915 : 24; *Munkácsi* 1880—1896 : 527). Действительно, удм. *ñemič* (шошм. *ñemiś kureg*) восходит к рус. *немец, немецкая курица*. Отметим, что рус. *немецкий* раньше могло означать 'чужеземный, иностранный' (СРНГ 1986 : 78—79). Аналогично удм. *ñemič* первоначально имело значение не только 'немец; немецкий', но и 'иностранец; иностранный', а сочетание **ñemič kureg* — 'иностранная курица'; ср. также удм. *ñemič kežj*, мар. *немьчпурса* 'бобы' (букв. 'иностранный горох' — С.М.) (МРС 206).

2. Именование индейки *kurka* (*kürka, kürkä, kürke, kjrka, keṛka, keṛkä, kórka, kórkä, kurkan*) в настоящее время в удмуртских говорах имеет наибольшее распространение (см. карту).

В первую очередь оно широко употребляется на юге Удмуртии. Разные варианты лексемы *kurka* используются во всех говорах периферийно-южного наречия, за исключением шошминского. Описываемое наименование индейки преимущественно в варианте *kurkan* распространено и на севере Удмуртии.

Гласный *ü* первого слога является субститутом татарского γ (*ü*) (ср. тат. *күркә* — *kürkä*) прежде всего в говорах арского типа, в которых данный звук всегда был фонемой. В канлинском и отчасти буйскотаныпском говорах этот звук выступает в словоформах, заимствованных после (или в процессе) вторичной фонологизации указанного звука.

Гласный *j* первого слога в форме *kjrka* появился при утрате первичного праудм. **ü* в велярном окружении. Правда, в буйскотаныпском говоре он может восходить к мишарскому *o*, ср. миш. *корка*

'индюк' (ТатДиал. 252) (о замещении тат. *o* > удм. *i* в буйско-таныпском говоре см.: Насибуллин 1972 : 31—32).

Формы с *ε* ~ *ó* в первом слоге: *kεrkä*, *kεrka*, *kòrka*, *kòrkä* появились позднее форм с гласным *i*, поскольку в *ä*-диалектах в финале вместо *a* произносится гласный переднего ряда.

Р. Ш. Насибуллин (1972 : 31) отмечает, что в буйско-таныпском говоре башкирский и татарский огубленный гласный верхнего подъема переднего ряда *γ* заменяется гласным *ε*. Поскольку в некоторых населенных пунктах в отдельных словах отмечается замена указанного тюркского гласного удм. *ü*, появление *ε* в первом слоге исследуемого слова может быть результатом заимствования данных форм до вторичной фонологизации *ü*. Эта версия все же не объясняет кукморские формы с гласным *ó*, поэтому считаем, что наиболее вероятная причина появления *ε* (*ó*) в исследуемом слове кроется в особенностях вокализма контактирующих тюркских диалектов. В частности, в диалектах татарского языка гласный *γ* может произноситься как дифтонгоид *γ^o* или вместо него может выступать гласный *ø* (*γø*) (*ö*, *üö*) (см. ТатДиал. 615—618).

Употребление конечного гласного в указанных словоформах зависит от фонетической системы самих диалектов и времени заимствования. Гласный *ä* наличен в тех диалектах, где он функционирует как отдельная фонема. Формы с конечным *a*, встречающиеся в буйско-таныпском говоре, заимствованы до появления фонемы *ä* в указанном говоре, а также могут восходить к татарскому *a* (бт. *kırka* < ? миш. *корка*). Конечный *e* формы *kürke* связан с систематической передачей в канлинском говоре татарского гласного нижнего подъема переднего ряда *ə* (*ä*) гласным *e*.

Вариант *kurkan* распространен в среднечепецком диалекте, а также зафиксирован в д. Юлайгурт (54) Игринского района. По мнению С. В. Соколова (1998 : 72), эта словоформа образована с помощью суффикса *-an* по аналогии с другими орнитонимами, такими как *nurkan* 'вальдшнеп', *sil'ožikan* 'желтая трясогузка' и др.

Ряд исследователей считает исследуемое слово татарским заимствованием (Wotjakisches Wortschatz 1987 : 133; Munkácsi 1880—1896 : 227; Тараканов 1993 : 89; Соколов 1998 : 72). М. Р. Федотов возводит удм., марГ, морд. *курка* к чув. *къркка* 'пырин, индюк; пырка, индюшка' и приводит тюркские соответствия: саг., койб. *къркј* 'тетерев', тат., башк. *күркә* 'индюк, индюшка вообще'. Возникновение данного слова связывается с подражанием крику индюка (Федотов 1996 : 89).

Необходимо отметить, что исследуемое слово не может быть общетюркским, как это отмечено в некоторых источниках, поскольку индейка даже в Западной Европе стала известна достаточно поздно. Название тетерева в хакасских диалектах, скорее всего, также не имеет отношения к приведенным словам тюркских языков Поволжья. По мнению других исследователей, к чувашскому источнику восходит только горномарийское слово, в мордовском языке оно может быть заимствованием как из татарского, так и из чувашского, а аналогичное комиП *курка* считается русским заимствованием (см. Соколов 1998 : 72).

Таким образом, удм. *курка* (*курка*) является татарским заимствованием, при этом в северноудмуртские говоры слово попало из местных татарских говоров независимо от южноудмуртского наречия.

3. *šora* (*šoro*) в качестве наименования индейки употребляется в северо-западном ареале удмуртского языка (см. карту).

Возникновение *o* в форме *šoro* не находит удовлетворительного объяснения. Можно выдвинуть два предположения, базирующихся на фонетике удмуртского языка: 1) влияние удмуртских слов с финалом на *-ro*, которые преобладают в удмуртском лексиконе над словами с концовкой на *-ra*; 2) ассимиляция предшествующим гласным *o*.

Исходя из того, что вариант *šoro* образует не сплошной ареал, а пересекается с ареалом формы *šora*, можно предположить отражение в первой словоформе особенностей фонетики контактирующих вятских русских говоров. Отметим, что фиксация русской словоформы *šoro* в письменных источниках нам неизвестна.

Слово является русским заимствованием (Насибуллин 1998 : 206; Соколов 1999 : 70), ср. вят. *шóра* 'индейка, индюшка' (Васнецов 1907 : 357). Даль (1991 4 : 642) вят. *шóра* 'индейка, индюшка, пырка, дурка, канка' помещает в одной словарной статье с вологодским *шóра* 'крупный песок, хрящ, дресва' и делает ссылку на *шóры* 'упряжь конская без хомута или оголовка, немецкая упряжь, со шлеей, с лямкой...'; тул. 'род бисерной поднизи, на висках и щеках, у женщин'.

Отметим, что название птицы могло образоваться на базе последних значений путем метонимического переноса: *шóры* 'бисер, бисерная поднись' > *шóры* 'части тела птицы, похожие на бисер, бисерную поднись' > *шóра* 'птица, у которой части тела, похожие на бисер, бисерную поднись; индейка, индюк'.

Татарское слово *шура* 'индюк' относят к удмуртским заимствованиям (ТатДиал. 517; Тараканов 1993 : 162; Соколов 1999 : 70). С нашей точки зрения, оно может быть непосредственно заимствовано из вятских русских говоров.

4. *ińduk* на большей части своего ареала употребляется параллельно или чересполосно с другими наименованиями индейки (см. карту). Отметим, что слово *ińduk* в северной диалектной зоне удмуртского языка преимущественно в речи младшего и среднего поколения может бытовать и в тех населенных пунктах, в которых оно не отмечено.

Форма *tĩmj ińd'jk* 'индюшка' зафиксирована Г. А. Архиповым (1987 : 87) в слободском говоре. Замена губного *i* неогубленным *j* объясняется законом неупотребления (или избегания) губных гласных в первом слоге.

Слово, безусловно, является русским заимствованием (рус. *индюк*), см. М. Фасмер (1967 II : 132), П. Я. Черных (1994 I : 341).

5. Наименование индейки *pińta* записано у жителя дер. Квашур (на карте 103а) Вавожского района и имеет ономастопоэтическое происхождение: оно возникло как подражание звукам, издаваемым этой домашней птицей.

6. Слово *kura* 'индюк' зафиксировано в дер. Титово (на карте 78) Шарканского района С. К. Бушмакиным (1971 : 107). Оно заимствовано из местных русских говоров, ср. рус. *кúра, кура́* 'курица', перм. *кúра* 'индейка' (СРНГ 1980 : 107). Параллели указанного слова существуют во многих славянских языках (см. Фасмер 1967 II : 422).

В заключение можно отметить, что наиболее вероятное время появления индейки в хозяйстве удмуртов — это конец XVII — начало

XVIII в., поскольку в России эта птица стала известна в XVII в., а первые памятники письменности удмуртского языка (1733) уже зафиксировали одно из ее названий — *Nemetsch Kurek* (*ńemjč kureg*). Данное наименование, которое впоследствии подверглось опрошению до *ńemjč*, первоначально являлось общераспространенным названием индейки.

Сокращения

башк. — башкирский язык; **бт.** — буйско-таныпский говор; **вят.** — вятский областной говор русского языка; **койб.** — койбальский диалект хакасского языка; **марГ** — горное наречие марийского языка; **миш.** — мишарский диалект татарского языка; **перм.** — пермский областной говор русского языка; **саг.** — сагатайский диалект хакасского языка; **тул.** — тульский областной говор русского языка; **шошм.** — шошминский говор удмуртского языка.

МРС — В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев, Марла-рушла мутер. Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола 1991; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров, вып. 16, Ленинград 1980; вып. 21, Ленинград 1986; **СрСл.** — Материалы для сравнительного словаря зюздинского, пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора. 1912. 64 л. (РФ УдмНИИ, д. 739. Фотокопия); **СрСл.** — Материалы для сравнительного словаря зюздинского, пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора. 1912. 64 л. (РФ УдмНИИ, д. 739. Фотокопия); **ТатДиал.** — Татар теленен диалектологик сүзлеге, Казань 1969; **ЧРС** — Чувашско-русский словарь, Москва 1961.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г. А. 1987, К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка. — Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков, Ижевск, 84–92.
- Борисов Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
- Бушмакин С. К. 1971, Приложения к диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук на тему: Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка, Москва—Ижевск.
- Васнецов Н. М. 1907, Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора, Вятка.
- Даль В. 1989–1991, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4, Москва.
- Насибуллин Р. Ш. 1998, Приложения к диссертации на соискание ученой степени докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке. Дооктябрьский период, Ижевск.
- — 1972, Закамские говоры удмуртского языка I. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Сokolov С. В. 1998, Этимологической пичи кылбугор. — Вордскем кыл, № 6–7, 54–72.
- Сokolov С. В. 1999, Этимологической пичи кылбугор. — Вордскем кыл, № 10–11, 70–78.
- Тараканов И. В. 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Теория и словарь, Ижевск.
- Тепляшина Т. И. 1966, Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I, Москва.
- Фасмер М. 1964–1973, Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4, Москва.
- Черных П. Я. 1994, Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2, Москва.

C. A. Максимов

- Ф е д о т о в М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2, Чебоксары.
- M u n k á c s i B. 1987, A votják nyelv szótára, Budapest 1880—1896 (2-е изд.: Pécs 1990).
- W i c h m a n n Y. 1915, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki (MSFOu XXXVI).
- W i e d e m a n n F. J. 1880, Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register, St.-Petersburg.
- Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

S. A. MAKSIMOV (Iževsk)

UDMURTISCHE VOLKSBEZEICHNUNGEN FÜR 'TRUTHENNE, PUTE'

Von den sechs Bezeichnungen für 'Haustruthenne, Pute' ist die tatarische Entlehnung *kurka* zurzeit in den udmurtischen Mundarten am meisten verbreitet. Die Analyse aller Benennungen zeigt, dass dieser Hausvogel um die Wende zum 18. Jahrhundert durch die russischen Bauern in die Viehhaltung der Udmurten gekommen ist. Insbesondere zeugt davon der Name *ńemjč* (*ńemjč kureg*) (< russ. немецкая курица), der ehemals eine gesamtudmurtische Verbreitung besessen hat. Die Lexeme *šora*, *in'd'uk* sind neuere russische Entlehnungen. Die lediglich in einem Dorf aufgeschriebene Bezeichnung *piit'a* ist eigentlich ein udmurtisches Wort mit onomatopoeischem Ursprung.